

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПРОТЕСТ ПРОТИВ ВЫСТУПЛЕНИЯ БАКУНИНА ОБ «ИРКУТСКОЙ ДУЭЛИ»

Публикация Б. Г. Кубалова

Публикуемое «письмо», направленное Герцену для помещения в листке: «Под суд!», является возражением на статью «Письмо в редакцию по поводу дуэли Беклемишева с Неклюдовым», помещенную в №№ 6 и 7 того же листка от 1 и 15 июля 1860 г., написанную М. А. Бакуниным.

Подлинник статьи, предназначенной для напечатания в герценовском издании, не подписал. Однако автор «письма» устанавливается без труда. Оно принадлежит сыльному петрашевцу Ф. Н. Львову и написано его рукой (см. стр. 165 наст. тома).

Весной 1859 г. в Иркутске произошла скандальная история, получившая шумный отклик и привлекавшая к себе внимание сибирской общественности и правящих кругов России.

Молодой человек М. С. Неклюдов в продолжение некоторого времени подвергался клеветническим нападкам со стороны ряда чиновников, группировавшихся вокруг всесильного генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. Потребовав объяснений у одного из этих клеветников, Ф. А. Беклемишева, обозвавшего его вором, и не получив удовлетворительного ответа, Неклюдов дал ему пощечину, после чего был сильно избит прислугой Беклемишева и арестован. Выпущенный на свободу, Неклюдов отказался от дуэли, предложенной ему Беклемишевым, вследствие чего началась организованная травля его друзьями Беклемишева, закончившаяся вынужденным согласием Неклюдова на дуэль. Исход дуэли, состоявшейся 16 апреля 1859 г., оказался трагическим — Неклюдов был убит. Кровавая развязка первой в Сибири дуэли, попустительство властей, знавших о том, что она предстоит, вызвали сильное возмущение в демократических кругах Иркутска. Беклемишева и его секундантов называли убийцами и требовали суда над ними. В квартире Беклемишева были выбиты стекла. Похороны Неклюдова превратились в демонстрацию, в которой приняло участие до десяти тысяч человек.

Восточносибирские власти во главе с Муравьевым принимали все меры к тому, чтобы замять дело о дуэли и выгородить Беклемишева и его соучастников — крупных сибирских чиновников, приближенных Муравьева.

Активное участие во всей этой истории приняли проживавшие в Иркутске политические ссыльные, в особенности М. В. Буташевич-Петрашевский, Ф. Н. Львов, декабрист В. Ф. Раевский. Судя по письмам участников дуэли и других осведомленных лиц, хранящимся в Московском областном историческом архиве (ф. 864, д. 20—23) и Центральном государственном историческом архиве (ф. 109, д. 128 и 104), Петрашевский, Львов и другие распространяли по городу слухи и даже прокламации о том, что Неклюдов был предательски убит, что Беклемишев и его соучастники — шайка убийц и разбойников и т. п. По предложению Петрашевского, были отпечатаны и распространены среди населения Иркутска специальные объявления о дне и часе похорон Неклюдова. «Известные вам афишки о погребении, — писал 21 апреля 1859 г. М. С. Корсакову начальник штаба войск Восточной Сибири Б. К. Кукель, — раздавались под качелями <на народных гуляньях во время пасхальной недели.— Б. К.>

Петрашевским с комментариями, выбрасывались на Большой улице прохожим на публичной библиотеки. Все это привело на похороны страшную массу народа — до 10 тысяч человек...» (там же, д. 22, л. 226). Петрашевский выступил и у могилы Неклюдова, резко обличая участников дуэли и тех, кто не захотел предупредить ее.

На второй день после похорон Неклюдова Ф. Н. Львов поместил в «Иркутских губернских ведомостях» (1859, № 17, неофициальная часть, стр. 1—3) статью о недопустимости дуэли в цивилизованном обществе. «...Неужели аргументом нам непременно должен быть кулак или пуля?..», — негодовал Львов. Очень осторожно, но настойчиво он проводил мысль, что дуэль Беклемишева с Неклюдовым — гнусное убийство.

Характерно, что тогда же — в следующем номере «Иркутских губернских ведомостей» — с яркой статьей «Сельские сцены. Предисловие» выступил В. Ф. Раевский, разделявший в то время умонастроения Петрашевского и Львова (1859, № 18, неофициальная часть, стр. 5). В статье осуждалось жестокое и бесчеловечное обращение с крестьянами разных начальников и «благородий» (есть основание предполагать, что Раевский метал и в Беклемишева). Пользуясь случаем, отметим, что статья эта осталась неизвестной исследователям наследия «первого русского декабриста», а между тем она чрезвычайно знаменательна и своим антикрепостническим направлением и той страстной полемикой, которую Раевский ведет с реакционными публицистами, доказывавшими в столичной печати необходимость телесных наказаний и вред грамотности для крестьян. Раевский обещал читателям «Губернских ведомостей» продолжение «Сельских сцен», но его не последовало: местные власти запретили дальнейшее печатание.

Агитация Петрашевского, Львова, Раевского имела несомненный успех у местной интеллигенции. Они нашли сочувствующих и единомышленников в газете «Губернские ведомости», среди читателей публичной библиотеки и в салоне Е. П. Ротчевой, образованной, прогрессивно настроенной женщины.

Очевидно, что Петрашевский, Раевский пытались использовать дуэль и убийство Неклюдова для возбуждения широкого общественного негодования против существующих порядков, в частности — против произвола Муравьева и его клевретов. Для осуществления этой задачи необходимо было, не ограничиваясь агитацией на месте, передать дело об иркутской дуэли широкой гласности. Этому активно содействовал доктор Н. А. Белоголовый, который, повидавшему, свел присланные ему из Иркутска несколько писем в статью «Убийство Неклюдова в Иркутске» и переслал ее Герцену (см. Н. А. Б е л о г о л о в ы й. Воспоминания и другие статьи. М., 1898, стр. 662). Статья была напечатана Герценом в приложении к «Колоколу» — «Под суд!» (№ 2 от 15 ноября 1859 г.). В ней излагались обстоятельства дуэли, ставился вопрос, не является ли она убийством «беззащитного человека», сообщалось, что «в огромной толпе народа, следовавшей за гробом убитого, слово „убийство“ было на устах у каждого». Главный же смысл статьи заключался в разоблачении управлявшей Сибирью клики дворян типа Беклемишева, вывезенных Муравьевым из Европейской России и назначенных им на самые высокие посты в управлении Сибирью. Презрительно называя этих наведенных администраторов «навдзными», автор статьи писал, что их поведение до крайности возмущает население той части России, «где не существовало касты вельможного дворянства и где в течение 30 лет действовало влияние таких благородных, развитых личностей, какими были декабристы».

Лист «Под суд!» со статьей об убийстве Неклюдова дошел до Иркутска и, естественно, вызвал здесь оживленные толки. Общественное недовольство Муравьевым, его приближенными и всеми порядками, установившимися в Сибири, усилилось. Возможно, что не без влияния «Колокола», в «Иркутских губернских ведомостях» и в новой частной (издававшейся М. В. Загоскиным) газете «Амур», начавшей выходить в Иркутске с января 1860 г., появился ряд статей в защиту гласности, гражданских прав, общественного мнения (см. например, статью Петрашевского в первом номере «Амура»), которые привлекли к себе внимание читателей и вызвали недовольство Муравьева и Корсакова. Слухи о волнениях в Иркутске дошли до столицы. Именно к этому времени относится вопрос управляющего делами Сибирского комитета Буткова, заданный одному из иркутских чиновников: «Нет ли чего нового и (не) произошло (ли) какого-либо буйства в Сибири?» (Моск. обл. историч. архив, ф. 864, д. 23, л. 286).

«Муравьисты» забеспокоились. Тогда с опровержением статьи «Убийство Неклюдова в Иркутске» решил выступить на страницах «Колокола» высланный в Сибирь М. А. Бакунин, прибывший незадолго до этого в Иркутск из Томска. Известно, что Бакунин в то время усиленно восхвалял своего дядю генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, видя в нем «будущность России», «своего лучшего друга», и уверял Герцена, что он «крепко наш и лучший и сильнейший из нас» (см. письмо Бакунина к Герцену от 8 декабря 1860 г., перепечатанное М. К. Лемке — X, 402—407). Неудивительно, что в связи с иркутской дуэлью Бакунин с самого начала занял позицию, прямо враждебную позиции Петрашевского, Львова, Раевского. Жившая тогда в Иркутске «смолянка» Е. Быкова вспоминает, как Бакунин, выступая 13 апреля в зале дворянского собрания, заявил, что «Нек<людо>ва нужно заставить стреляться, а если он не захочет, то высечь его. Разжигая молодежь таким способом, Бакунин достиг цели: он наберновал человек 15, которые в случае нужды готовы были подписать свои имена, что действительно секли виновного оскорбителя» (Е. Б ы к о в а. Записки старой смолянки. 1858—1878 гг., ч. II. СПб., 1899, стр. 47). В неопубликованном письме к Корсакову от 27 ноября 1859 г. Бакунин осыпает Петрашевского и Львова самой грубой бранью, сожалея, что молодые люди, прибывшие в Иркутск с университетским аттестатом, «вполне предались зловредному, огрязняющему влиянию Петрашевского и Львова...». «В продолжение целого лета и осени, — пишет Бакунин, — эти господа отравляли их своею злоумышленностью и сделали их врагами всего порядка вещей в Восточной Сибири, врагами всех и каждого, сколько-нибудь принадлежащего к официальному миру...» (Моск. обл. историч. архив, ф. 864, д. 22, л. 659).

Не лишено оснований предположение, что выступить в «Колоколе» с опровержением статьи «Убийство Неклюдова в Иркутске» рекомендовали Бакунину Муравьев и Корсаков, что им было известно и содержание опровержения. Так или иначе в конце 1859 г. Бакунин направил Герцену «Письмо в редакцию по поводу дуэли Беклемишева с Неклюдовым». Герцен напечатал его, как уже было сказано, в №№ 6 и 7 «Под суд!» от 1 и 15 июля 1860 г., снабдив рядом полемических примечаний (см. X, 358—360). Никаких сомнений в принадлежности этого «Письма в редакцию» Бакунину быть не может. Об этом писал Н. А. Белоголовый («Воспоминания и другие статьи». М., 1898, стр. 533) и Мехеда (см. ниже), об этом свидетельствует чрезвычайная близость содержания «Письма в редакцию» к содержанию других писем Бакунина к Герцену.

Горячо защищая Беклемишева, его друзей и покровительствовавшего ему генерал-губернатора Муравьева, Бакунин одновременно выступал с нападками на затравленного ими и убитого Неклюдова, на Буташевича-Петрашевского, на Львова, на иркутское учительство, которое он обвинял в подстрекательстве молодежи, и в особенности на В. Ф. Раевского, называя его «хитрым пронырливым приказчиком по питейной части», «агентом питейной инквизиции» и утверждая, что он из мести клеветал на Беклемишева. Повидимому, Бакунин считал Раевского автором статьи «Убийство Неклюдова в Иркутске».

Статья Бакунина вызвала негодование в кругах сибиряков, враждебно относившихся к Муравьеву и его клеветам.

Офицер штаба войск Восточной Сибири, Мехеда, в письме от 15 октября 1860 г., отправленном из Иркутска А. А. Карганову и задержанном агентами III Отделения, восклицал: «Неужели Герцен не знает о страшном падении своего бывшего друга? Кажется, знает; так, по крайней мере, позволяют думать замечания редакции на письме Бакунина в защиту дуэли. Какое подлое письмо! Все состригано с целью упрочить свое положение в материальном отношении. С одной стороны, бесконечная похвала, с другой — грубая насмешка над мертвецом; письмо представляет собою крайность и выражает одну только сторону медали, представляет в светлом виде муравьистов...» (М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. IV. М., 1935, стр. 591).

Несколько позднее и сам Бакунин понял, что в «Письме в редакцию по поводу дуэли Беклемишева» он зашел слишком далеко. Вот почему в письме к Герцену от 7 ноября 1860 г. он старался ослабить некоторые прежние оценки и, в частности, признавал, что Раевский «с ног до головы демократ <...> социалист quand-même*». Вместе

* несмотря ни на что (франц.).

с тем здесь же он снова пытался убедить Герцена в том, что «злоба» Раевского к Муравьеву началась тогда, когда «Муравьев сбросил его с себя...». «И нет для меня сомнения в том, — добавлял Бакунин, — что прямо или косвенно эта злоба отзывается в вашем „Колоколе“» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», СПб., 1906, стр. 151—152). Среди лиц, возмущенных статьей Бакунина, был и Львов.

В публикуемой статье Львов защищает Петрашевского и его сотоварищей от возводимых на них обвинений и полностью реабилитирует декабриста Раевского, для биографии которого статья приобретает значение первоклассного источника.

В последней части статьи Львова довольно живо и точно нарисована картина расправы с иркутскими «крикунами» и «смутьянами». Дело об иркутской дуэли, после долгого хождения по всем судебным инстанциям, было решено самым вопиющим образом. Беклемишев и организаторы дуэли в конце концов отделались страхом и церковным покаянием, но зато Сенат дал указание «подвергнуть рассмотрению в Совете главного управления Восточной Сибири» действия членов окружного Иркутско-Верхотурского суда, который в свое время приговорил Беклемишева и других участников дуэли к 20 годам каторги. Так был затеян «суд над судьями». Его главная роль заключалась едва ли не в том, чтобы доказать, что решение окружного суда было принято под влиянием Петрашевского и Львова. Во всяком случае Муравьев, решительно защищавший своих любимцев, надеялся, что «Петрашевский будет в числе виновных и, вероятно, Львов, ибо они играли немалую роль в пристрастных приговорах окружного суда и Ольдекопа*» (из письма к Корсакову от 20 августа 1860 г. Моск. обл. историч. архив, ф. 864, д. 23, л. 526). Однако привлечь к ответственности Петрашевского и Львова не удалось. Тогда сибирские власти расправились с ними без всякого суда: Петрашевский был выслан из Иркутска в отдаленный Минусинский округ, а Львов был уволен со службы и вынужден был уехать в с. Олонки (километрах в восьмидесяти от Иркутска) к приютившему его В. Ф. Раевскому. Пострадали и многие лица, сочувствовавшие Петрашевскому и Львову. У Раевского, вероятно, и была написана публикуемая статья со столь ценными сведениями о «первом декабристе».

Кроме этой статьи, Львов направил в «Колокол» заметку, которая была напечатана Герценом в л. 101 «Колокола» от 15 июня 1861 г. под названием «Опять об иркутской дуэли» (о принадлежности ее Львову см. в настоящем томе, стр. 166). Эта заметка — в ней рассказывалось о «суде над судьями Беклемишева» — примечательна следующим смелым заявлением Львова, сделанным, наверное, не только от своего имени: «Муравьеву и его protégés хочется непременно открыть, что судьи писали свой приговор под диктовку Петрашевского или, по крайней мере, что они были в это время под его и Львова с К^о влиянием. Разумеется, открыть этого нельзя, потому что между ними не было никаких сношений. Но если бы это даже и действительно было, то что ж из этого? Оно доказало бы только нравственную силу Петрашевского и К^о, которая сильнее генерал-губернаторского деспотизма, простиравшегося до угрозы расстрелять и повесить Петрашевского с его друзьями и всех, кто с ними имеет сношение».

В 1859—1861 гг. Герцен поместил в «Колоколе» еще несколько заметок об иркутской дуэли и управлении Муравьева в Сибири (см. лл. 40-41, 82, 109). В них он разоблачал произвол и «пиратство», царящие в Сибири, и горячо ратовал за Петрашевского и его друзей. Письма Бакунина в защиту Муравьева не убедили Герцена, и он продолжал бичевать сибирского сатрапа за дикое самоуправство, беззаконие, допущенное в деле о дуэли, преследование Петрашевского и т. д. В последней из этих заметок «Граф Муравьев-Амурский и его поклонники», прямо направленной против писем Бакунина, восхваляющих Муравьева, Герцен заявил, что к делу о дуэли, несмотря на полученные новые материалы, «Колокол» возвращаться не будет — «оно надоело и нам и читателям» (XI, 251). Действительно, вопрос был и «черпан», и «Колокол» сделал все, что мог. Поэтому публикуемая статья Львова в «Колоколе» не появилась.

* Карл Карлович *Ольдекоп* — советник иркутского губернского суда. Привлекался в свое время по делу петрашевцев, но был вскоре освобожден. При рассмотрении в сентябре 1859 г. дела о дуэли в губернском суде поддерживал суровый приговор, вынесенный окружным судом. Особое мнение Ольдекопа было в копии направлено Герцену, который признал формулировку Ольдекопа сделанной «мастерски».

<ОБ ИРКУТСКОЙ ДУЭЛИ>

Два номера вашего «Под суд!», в котором находится неудачная защита иркутских дуэлистов и управления Восточною Сибирью Муравьева, попались мне в руки очень поздно и притом в рукописи с некоторыми пропусками¹. Надобно думать, что автор или авторы этих статей, предполагая, что первая статья² была писана мною или, по крайней мере, под моим влиянием, вероятно сами озаботились сообщить свой громовой ответ мне. Но они ошиблись: статья написана была не мною; я даже не знал о ее существовании, считал посдинок ли, убийство ли Неклюдова делом не столь важным, чтобы огласить его чрез лондонскую русскую газету; но теперь, когда дело это так трагически разыгралось для всех не только осмелившихся осуждать его частным образом, но даже <для> лиц, призванных к тому законом, когда оно выразило все самовластие Муравьева и безумное пристрастие его к своим любимцам, — молчать было бы преступлением.

Если факты и слухи, сообщенные вам первыми письмами, господа защитники дуэлистов и Муравьева назвали клеветою, то их писание есть действительно клевета или злая насмешка над правдою и даже над Муравьевым.

Неправда, во-первых, что будто бы Неклюдову советовали драться на дуэли его знакомые: Львов, Петрашевский, Ольдекоп и др. — Ольдекоп в первый раз видел Неклюдова в гробу, Петрашевский с ним не был знаком вовсе, Львов видел его у некоторых общих знакомых*.

Известно, однако, что Неклюдов был после драки у Львова и Петрашевского, но последнего не застал дома. Что он говорил со Львовым — неиз-

* *Далее зачеркнуто:* Вот известная нам часть разговора Неклюдова со Львовым: «Вы, может быть, знаете, — начал Неклюдов, — что Беклемишев всякими средствами старался повредить моей репутации. Злоба его против меня началась с того, что, играя у меня в карты, золотая молодежь стала уговаривать меня играть с ними. Не будучи охотником до карт, я хотел отшутиться и вынес им старые свои панталоны, которые предлагал для розыгрыша, за неимением лишних денег. Эта шутка им не понравилась. С тех пор наши отношения сделались очень холодны, особливо с Беклемишевым. Летом этот господин распустил слух, наводивший несправедливое подозрение на связь мою с одной дамой, что едва не было причиной серьезной ссоры с ее мужем. Потом Беклемишев и Гурьев³, по возвращении из Пекина, хотели меня вывести из собрания, потому что я не получил приглашения. Но надобно заметить, что я приехал туда потому, что Муравьев мне сказал при представлении: „Надеюсь, мы с вами увидимся вечером, на бале“. На это я отвечал, что не получал приглашения, но Муравьев сказал: „Ну это ничего, позабыли вы послать билет, поезжайте“. Наконец, Беклемишев назвал меня публично вором в доме генерал-губернатора в ночь светлого воскресения. Вы, может быть, уже слышали, что по Иркутску разнесся слух, что я при проезде через Монголию не платил прогонов. Это отчасти правда, монголы были действительно недовольны моею платою, потому что в первый путь я ехал с Хитрово, и нам отпущено было на каждый станок по десяти рублей, а в обратный путь мне одному отпущено было только пять рублей. На страстной неделе, когда дшли до меня эти слухи, я явился к Муравьеву, объяснил ему все и просил его, если он верит всему, что про меня рассказывают, так чтобы он нарядил формальное следствие по этому делу. Муравьев отвечал, что если бы он верил этому, то давно бы нарядил следствие. „Но, — прибавил он, — вам все-таки здесь не следует оставаться — поезжайте“.

На другой день Пасхи я встретился с Беклемишевым у Венцеля⁴. Надобно было видеть этот дерзкий взгляд, это презрение, которое он старался мне показать, чтобы понять, как мне трудно было из приличия и из уважения к семейству Венцеля выдерживать эту пытку. Вслед за ним я вышел от Венцеля и, придя к Беклемишеву на квартиру, сказал ему: „M-r Беклемишев, deux mots, s'il vous plait“ <на два слова, пожалуйста (франц.)>. — „Да надобно знать, захочу ли я с вами сбязаться. Эй, люди“. Тогда я не выдержал, дал ему три оплеухи и... — «И вы подрались?» — спросил Львов. «Да». — «Как это дурно, как это дурно!» — Затем следовал рассказ об отводе его под арест, об освобождении, о вызове на дуэль и пр. И, наконец, в заключение он сказал: «Теперь я хочу знать, должен ли я принять его вызов или объявить ему, что он может искать удовлетворения тем порядком, которым начал, т. е. с полицейским».

Ф. Н. ЛЬВОВ

Фотография, 1860-е гг.

Институт русской литературы

АН СССР, Ленинград

вестно. Львов был всегда противником дуэлей, но, может быть, в этом случае он не счел нужным в пользах Неклюдова советовать ему отказаться от дуэли, потому что мог предполагать, что происшествие тотчас же разнесется по городу, что и действительно случилось, — и начальство разведет противников.

Совершенная ложь, что будто бы агенты приказчика питейного откупа Владимира Федосеева Раевского после смерти Неклюдова произвели волнение в городе — по той простой причине, что Раевского там и не было; он живет в семидесяти верстах от Иркутска, в Александровском заводе, и вот уже два года как оттуда не выезжал⁶; о происшествии он узнал уже после похорон Неклюдова. Да и что это за могущественный такой приказчик винного откупа да еще с акцизно-откупной совестью? Что это за презренная личность такая?

А вот кто *: Владимир Федосеевич Раевский ** вступил в 1819 году в Союз Общественного благоденствия (Общество Зеленой книги⁶) и явился первым деятельным пропагатором либеральных идей ***. Будучи майором 32-го Егерского полка, двадцатичетырехлетний Раевский уговорил Орлова⁷ завести при 16-й пехотной дивизии школу для юнкеров и солдат, где он распространял чистые, человеческие идеи. Всегда резкий на правду, он отзывался неодобрительно о пристрастном следствии генерала Сабанеева⁸ по случаю бунта в Охотском и Камчатском полках ****. Сабанеев, которому это было передано, обратил тотчас внимание на школы, которыми управлял Раевский, и приступил к тайному расследованию и, наконец, в 1822 году арестовал его, забрав все его бумаги, равно как и все учебные книги и тетради в школах. Шесть лет таскали Раевского по крепостям: из Тирасполя в Петропавловскую, а оттуда в Замостье. В это время над

* Далее зачеркнуто: Это первый либеральный человек, который был первою жертвою

** Далее зачеркнуто: известной русской фамилии

*** Далее зачеркнуто: и, разумеется, был и первою жертвою

**** Далее зачеркнуто: «Кто вам это сказал?» — спросил Львов. — «Мне сказал это Г. М.» — Затем продолжал:

ним было произведено два следствия, и три раза его судили*. Мужественно защищался он пред своими следователями и судьями, между коими первый был Сабанеев. Этому помогло и то, что он приобрел такую любовь между солдатами своего полка, что при допросах Сабанеева они все в голос отвечали придуманную ими самими фразу для оправдания своего майора: «Богу и великому государю служить до последней капли крови приказывал нам всегда майор Раевский». И действительно, ни по следствию, ни по суду нельзя было ничего открыть, тем более, что в 1821 году, как известно, Общество Зеленой книги перестало существовать⁹, а новое образовалось только <в> 1823 году, когда Раевский был уже в крепости, — следовательно, в государственном преступлении обвинить было нельзя. Но несмотря <на то>, что сам Сабанеев полагал «отставить Раевского от службы и удалить его в один из отдаленных городов России навсегда», что два раза по суду он был оправдан, цесаревич Константин Павлович полагал даже его возвратить на службу с вознаграждением, но наконец он был лишен чинов, орденов и дворянства и сослан в 1828 году на поселение за вредные правила и вредный образ мыслей. Нельзя оставить при этом без внимания той твердости Раевского, с которою он два раза отказался подписать выписку из дела, произведенного Сабанеевым, и протестовал против нее. Вот еще черта акцизно-откупной совести Раевского. Главною причиною ареста Раевского было желание Сабанеева узнать что-нибудь о тайном обществе, к которому он принадлежал, потому что правительство уже знало, хотя и смутно, о его существовании.

Император Александр I поручил начальнику штаба 2-й армии г. Киселеву (теперь послом в Париже) спросить Раевского, какой тайный союз существует в России, и если он, Раевский, откроет его, то возвратит ему шпагу. На это Раевский отвечал: «По какому праву вы считаете меня таким низким человеком, чтобы я продал за шпагу мою честь и совесть? Ваше предложение, если бы я действительно принадлежал к какому-нибудь обществу, поставило уже меня в необходимость молчать». Киселев потребовал письменного ответа — Раевский отвечал, что он ничего не знает. Вот предшествовавшее откупного приказчика Владимира Федосеева Раевского.

Посмотрим на его тридцатидвухлетнее пребывание в Сибири. Богатый в России, он приехал в Сибирь бедняком. Родственники, как это почти всегда бывает, очень рады бы <ли> завладеть его именем. Надобно было трудиться. Некоторое время он управлял *винокурением*, делом ему знакомым, потому что имел и прежде свои заводы, потом занимался по золотым промыслам¹⁰. Наконец, большую часть времени был доверенным от откупа по развозу вина. Согласитесь, что подряжать на перевозку вина и принимать его из казенных магазинов — это все равно, что перевозить всякую другую кладь. Тут постыдного нет ничего (да по моему мнению — откупная система, хотя и весьма скверная вещь, но не только откупные поверенные, но даже и самые откупщики могут оставаться честными людьми). Но этого мало, что он честно исполнял свои обязанности к откупу, он обогатил сотни окрестных крестьян этою перевозкою вина, потому что, устранив всякое вмешательство чиновников в эту операцию, он сам, конечно, не брал ничего с крестьян за допущение к выгодной перевозке, и таким образом обе стороны — и откуп, от которого он получал жалованье, и крестьяне, занимающиеся перевозкою, остались в выгоде. В особенности же он много сделал для селения Олонки, в котором был приписан крестьянином и где женился на тамошней крестьянке¹¹. Там он был настоящим мирным судьей. Крестьяне этого селения почти

* *Далее зачеркнуто*: Он отвергал все обвинения, на него возводимые, и не выдал никого.

~~История~~

~~История~~

Идеология власти — "Мод суд" в

конкретных условиях ~~судебной системы~~

~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

и управленческой деятельности ~~судебной системы~~

показавшая в ~~судебной системе~~ ^{судебной системе} ~~судебной системе~~

своих в ~~судебной системе~~ ^{судебной системе} ~~судебной системе~~

применении ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

предоставляет ~~судебной системе~~ ^{судебной системе} ~~судебной системе~~

ни одна ~~судебная система~~ ^{судебная система} ~~судебная система~~

под ~~судебной системой~~ ^{судебной системой} ~~судебной системой~~

своим ~~судебной системой~~ ^{судебной системой} ~~судебной системой~~

фактом ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

о том ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

~~Судебная система~~

~~Судебная система~~

~~Судебная система~~

Если ~~судебная система~~ ^{судебная система} ~~судебная система~~

судебной системы ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

воспользоваться ~~судебной системой~~ ^{судебной системой} ~~судебной системы~~

Муромский ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

что ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

под ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

над ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

над ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

над ~~судебной системы~~ ^{судебной системы} ~~судебной системы~~

СТАТЬЯ Ф. Н. ЛЬВОВА ОБ «ИРКУТСКОЙ ДУЭЛИ», 1860 г.

Автограф

Лист 1

Из бумаг Герцена — Огарева, полученных в дар АН СССР от Болгарской Академии наук («софийская коллекция»), Москва

не прибегали к земской власти в своих делах, а шли к Раевскому—его суд был для них авторитетом. Пользуясь уважением и расположением генерал-губернаторов Лавинского, Сулимы, Руперта и в особенности Муравьева, он был всегда на стороне слабых и униженных, в особенности же народа. Несколько раз он отстаивал права крестьян на земли, которые у них хотели отрезать, писал в защиту буряты Пирожкова, против Струве¹², любимца Муравьева (даже в этом случае он пожертвовал выгодною партией для своей дочери), и нажил себе врагов в лице грязных чиновников, которых обличал своим беспощадным языком за малейшую мерзость и в особенности за притеснение народа. При первой попытке печатной гласности в Иркутске он собрался выставить факты всех злоупотреблений. Предисловие (которое при сем посылается¹³) было напечатано, но дальше продолжаться не позволили. Лиходеи, окружавшие Муравьева, успели уже охладить в нем минутное увлечение к гласности. Один из них, Карпов¹⁴, говорил: «С каждым номером Губернских ведомостей ведут кого-нибудь из нас на распятие, а мы рукоплещем — доберутся, наконец, и до всех».

Но злоба Беклемишева против Раевского именно проистекла от того, что рассказано было в вашем журнале¹⁵. — Беклемишев¹⁶ стал притеснять откуп, но совсем не из филантропических видов, а потому что откуп сменил верхнеудинского поверенного Генерозова, с домом которого этот дипломат-исправник имел разные приятные отношения (в разбор их мы не входим). Сечение целовальников, розги, прибитые к дверям кабаков, беспрестанные придирки и т. п. — вот подвиги могущественного исправника. — Откупщик¹⁷ не знал, что делать. Тогда он решился просить Раевского исследовать это дело, дав ему полную доверенность привести откупные операции в Верхнеудинском округе в совершенно законные границы относительно цены, крепости вина, времени продажи и пр. и затем, если преследования не остановятся, — закрыть все кабаки. Это и было исполнено. Между тем из Петербурга остановили слишком большое усердие исправника.

В бытность свою за Байкалом Раевский, по самому свойству своего поручения, ознакомился со всеми подвигами Беклемишева и передал о них Муравьеву. Вследствие этого не Раевский, а Беклемишев поклялся мстить не только Раевскому, но и детям его. С этих пор начинаются лживые доносы на Раевского и, наконец, печатная клевета. А как мало-г. Беклемишев дорожил собственным достоинством, доказательством этому может служить то, что, по переезде в Иркутск, он первый же поехал с визитом к откупщику, на которого воздвиг гонение, и сделался вместе с остальною мишурною молодежью *rique-assiett'om* * откупщика.

И как поворотилась рука у Б(акунина) подтверждать своим авторитетом что-либо против акцизно-откупного комиссионерства, когда он сам, не занимаясь никаким делом у откупа, получает от него 1800 рублей серебром — за что же? Не за влияние ли свое на Муравьева?

Раевский не имел до сих пор явного разрыва с Муравьевым, но отшатнулся от него, как от человека, который дал себя совершенно опутать сетями своим недостойным любимцам и ведется ими на позор. Чтобы не иметь неприятности видеть человека, которого прежде считал благонамеренным, по крайней мере благонамереннее других генералов, — Раевский два года не был уже в Иркутске. Не так поступают люди с акцизно-откупною совестью: что для них совесть? что для них общественное мнение? Поехал бы с визитом к Беклемишеву, а потом к графу, а потом продал бы их обоих, если бы это было нужно: ума-то и образования у Раевского побольше, чем в сумме у обоих, так это дело было бы легкое, и, во всяком случае, более выгодное, чем дать приют гонимому Львову.

* блюдолизом (франц.).

Все, что касается до учителей иркутских, это тоже клевета и притом гнусная,—никто из них никогда не подучал учеников никаким демонстрациям, а объяснение будто бы злобы их на мишурную молодежь за предпочтение, оказываемое ей иркутскими дамами и за первенство в танцах,—так смешно, что и говорить не стоит. Вообразить себе почтенного П.¹⁸, отплясывающего польку или сентиментальничающего с дамами,—просто невозможно, да и в других, не говоря уже о женатых и пожилых, но и в самых молодых из них никто такой претензии не замечал.

К чему все эти похвалы Венцелю, Извольскому¹⁹? К чему этот неудачный дифирамб Муравьеву? Дело до него вовсе не касалось, никто не думал идти против него; напротив, все надеялись, что он будет недоволен демократическим послаблением, сделанным его любимцам, и если и будет за них хлопотать, то, во всяком случае, не будет преследовать никого за них и притом так, как будто Беклемишев с братиею были члены царствующего дома и недоброжелатели их — политическая партия.— Да! уронил, запачкал себя Муравьев этим делом. Поневоле родилось у многих подозрение, что он сообщник этих молодых людей в этом или другом преступлении.

Не станем ничего говорить о самой дуэли: было ли это просто убийство, изменническая или честная дуэль — это все равно²⁰,— доказать это теперь почти невозможно; не станем даже приводить факты из прошедшего как самого Муравьева, так и его сподвижников, по той простой причине, что называть имена крестьян, мещан и других маленьких лиц, на себе испытавших благодетельное и честное управление оных господ,—опасно: они могут, пожалуй, быть стерты с лица земли в буквальном смысле этого слова. Но обратимся только к тем жертвам, которые пострадали за осуждение Беклемишева и его доблестных товарищей.

Первою жертвою был губернский казначей Рыкачев, человек примерной честности, родственник Муравьева,—он вынужден был оставить службу. Львову, который написал статью в «Иркутских губернских ведомостях» о дуэли, вообще не касаясь нисколько самого дела, объявлено было, что он не должен продолжать более службы в Главном управлении Восточной Сибири за то, что имеет понятия о чести, не согласные с графскими,—ему оставалось прослужить только один год, чтобы иметь право возвратиться в Россию.—Львов, говорят, подавал жалобу в Сенат, но какое решение последует или последовало,—неизвестно.

Петрашевский, который никогда и нигде не стеснялся в своих мнениях и говорил громко против явной несправедливости, был схвачен, как будто совершивший государственное преступление, и сослан в Минусинск, а преступление его, к которому прицепились, состояло в том, что он спросил у действительного статского советника Сукачева, почему в аттестате об отставке Львова не прописали всех причин его увольнения от службы? И за то, что в канцелярии губернатора, где без его спроса распорядились его собственными деньгами, он сказал г. Лидову: «Это называется захватом»²¹. Но и в Минусинске Петрашевского не оставили в покое: сменили для это<го> князя Кострова²² и посадили Романовича²³, подвиги которого вам, вероятно, уже известны.

Советника казенной палаты Кочетова, как доставившего свидетеля по делу, также выгнали со службы.

Какого-то бедного канцеляриста, под хмельком декламировавшего стихи против новых витязей, сослали на службу в Якутск.

Но и это еще ничего.

Факт смерти Неклюдова — дело бесспорное; что он умер от раны, нанесенной Беклемишевым,—в честном или бесчестном поединке,—также дело бесспорное. Значение этих фактов по данным каждый может понимать по своей совести, по своему крайнему разумению. Сенат признал дуэль

честною, основываясь на объяснении Венцеля — попустителя преступления, и в этом случае он разошелся во мнениях с членами окружного суда и члена губернского суда Ольдекопа. Это случается ежедневно, но вот что неслыханно: по настоянию Муравьева, сенат нашел мнение судей — судейскими рассуждениями и приказал рассмотреть их действия в Совете главного управления (не забудьте, Беклемишев был член его), а Совету прямо приказано было Муравьевым отдать всех судей под суд губернского суда, в том числе и Ольдекопа, который был членом этого же суда! Как вам это нравится? Может ли суд, уже не говоря о том, что он руководится клеветом Муравьева — Милютиным²⁴, осмелиться оправдать невинных судей, имея такой живой пример — своего товарища перед собою? Но и это еще не самая вопиющая вещь! Молчанов и Анненков, преступники по решению Сената, просидели первый полтора, а второй три месяца в тюрьме и выпущены, а судьи их сидят в остроге уже пять месяцев и просидят, может быть, и год и два до произнесения над ними приговора, да они сидят в остроге не комфортабельно, как аристократические юноши, а в строжайшем заключении. У них остались жены и дети, которым есть нечего, так они много набрали взяток на службе! И к чему было мешать какую-то сибирскую партию, каких-то взяточников, грабителей народа, которых с бешенством преследовали Муравьев, Рыкачев, Львов, Ольдекоп, Петрашевский — это, что ли, сибирская партия взяточников?!! Это уж просто нелепость.

Что же, спросите вы, Муравьев помешался, что ли? Да, у него совсем закружилась голова от власти и отсутствия всякого контроля. Но каково же стране быть под безусловною зависимостью бешеного паши? Несужди никогда не образумятся, не поймут, что неограниченная власть генерал-губернаторов не может быть терпима не только для блага управляемых, но даже и для самого принципа монархической власти, опирающейся на законы. Говорят, Муравьев уезжает²⁵, но оставляет свою креатуру — Корсакова, человека с весьма ограниченным умом и сухим сердцем. Бедная Восточная Сибирь!

Есть еще одно вопиющее дело. Какой-то солдат или казак, проходя в пьяном виде мимо квартиры Беклемишева, завел шум. Беклемишев велел его вести в полицию, но тот отвечал, что его не за что вест в полицию, он никого не убил, как Беклемишев. — Знаете ли, что последовало этому человеку? Его прогнали сквозь строй и сослали на десять лет в каторжную работу. Все это сделалось домашним образом — судьба таких людей находится совершенно в руках генерал-губернатора и никем не контролируется.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о статье Бакунина: «Письмо в редакцию по поводу дуэли Беклемишева с Неклюдовым», помещенной в №№ 6 и 7 «Под суд!» от 1 и 15 июля 1860 г.

² Статья «Убийство Неклюдова в Иркутске», опубликованная в № 2 «Под суд!» от 15 ноября 1859 г.

³ Дмитрий Николаевич Гурьев — иркутский исправник, один из организаторов и секундантов дуэли Неклюдова с Беклемишевым.

⁴ Карл Карлович Венцель — председатель Совета Главного управления Восточной Сибири и военный губернатор.

⁵ Утверждение о том, что Раевский два года (1859—1860 гг.) не выезжал из Олонка, не совсем точно. Сохранилось письмо Е. П. Ротчевой к Корсакову от 22 января 1860 г., в котором она отрицает факт составления у нее в салоне Раевским письма, помещенного в л. 2 «Под суд!», и сообщает, что Раевский был у нее 26 января 1859 г. (Моск. обл. историч. архив, ф. 864, св. 3, л. 23, л. 34). И позднее Раевский наездами бывал у петрашевцев, в редакции «Иркутских губернских ведомостей», в публичной библиотеке М. П. Шестунова. Здесь он мог встречаться и с Бакуниным.

⁶ Союз Благоденствия (членом которого Раевский был с 1820 г., а не с 1819 г.) известен под названием «Общество Зеленой книги», по цвету обложки книги, в которую был вписан устав этой организации.

⁷ Михаил Федорович Орлов — декабрист, в то время командир 16-й пехотной дивизии.

⁸ Иван Васильевич Сабанев — генерал от инфантерии.

⁹ Сведения, сообщаемые здесь Львовым, не точны. После закрытия Союза Благоденствия московским съездом в январе 1821 г. деятельность тайного общества на юге не прекращалась.

¹⁰ Раевский контрафовал рабочих на Бирюсинские золотые промыслы.

¹¹ Раевский был женат на олонской крестьянке Евдокии Моисеевне Середкиной.

¹² Бернгардт Васильевич Струев — адъютант Муравьева, впоследствии председатель Иркутского губернского правления.

¹³ «Предисловия» при «письме» Львова не оказалось. Оно напечатано в № 18 «Иркутских губернских ведомостей» за 1859 г. (неофициальная часть, стр. 5) под заглавием: «Сельские сцены. Предисловие». Статья написана в защиту крестьян, подвергавшихся экзекуциям со стороны начальников и разных «благородий». Перечисляя ряд известных ему фактов насилия таких начальников над сибирскими крестьянами (читатели по приведенным фактам могли легко догадаться, что камень брошен в сторону Беклемишева), Раевский клеймил изуверов, доказывавших в печати необходимость порки крестьян.

«Как поправить зло?» — спрашивает Раевский. И, верный своим антикрепостническим взглядам, отвечает: «Трудно, но возможно!»

«Прежде всего пусть те, которые вымогают себе право сечь крестьян, будут сами примером справедливости, честности, бескорыстия, человеколюбия, трезвости, уважения к законам и точного выполнения их. А если это требование слишком велико, так пусть они откажутся от присвоенного ими права и не наказывают своих пороков на теле тружеников, которые в поте лица добывают хлеб и для себя и для тех, которые отстаивают право сечь их и держат в невежестве.

2-е. Дайте детям простолудиинов грамотность, а в училищах буквари, в которых не глупые шутки и побасенки составляли бы половину книги, но буквари, где бы объяснялись первые догматы веры, правила нравственности и необходимые для крестьянского знания законы. Пока этого не будет сделано, все останется по-старому. Дайте этот толчок, и жизнь народная пойдет развиваться широко и правильно.

Мое предисловие кончено. На высказанную мною тему я собрал несколько фактов, которые надеюсь передать в форме «Сельских сцен». А потому позвольте сказать, что продолжение будет впредь».

¹⁴ Василий Дмитриевич Карнов — кяхтинский пограничный комиссар.

¹⁵ То есть в статье Бакунина (№№ 6 и 7 «Под суд!»).

¹⁶ Федор Андреевич Беклемишев в 1859 г. был членом Совета Главного управления Восточной Сибири, а ранее — верхнеудинским исправником.

¹⁷ Дмитрий Егорович Бенардаки — крупный капиталист. В его руках с 1855 г. был винный откуп в Восточной Сибири.

¹⁸ «И» — Петр Иванович Полицев, старший учитель математики Иркутской губернской гимназии.

¹⁹ Петр Александрович Извольский — гражданский губернатор Восточной Сибири.

²⁰ В Иркутске ходили упорные слухи, что Неклюдов пал жертвой преднамеренного и гнусного убийства. Приводим в этой связи выписки из неопубликованного письма Гурьева к Корсакову от 23 апреля 1859 г. (Моск. обл. истории, архив, ф. 864, св. 3, д. 22, л. 2С8). «Говорят, — пишет Гурьев, — что нас было во время дуэли семеро против одного, что Молчанов <секундант Неклюдова. — Б. К.> нами подкуплен, что у Неклюдова две раны и что обе они получены не от Беклемишева, а со стороны... Все эти слухи Петрашевский усердно распространил между народом, который щедро награждает нас названием убийц... Иначе как с оружием мы теперь из дома выходить не должны <...> Кончу мое письмо тем, что Петрашевский — поселенец и что если он себя в городе держать не умеет, то слишком легко его препроводить в дальние округа и даже дать ему тридцать плетей без всякой за то ответственности... Найдено одно писанное объявление, в нем сказано, что шайка разбойников, состоящая из Беклемишева, Анненкова (друг и секундант Беклемишева), Гурьева, Сухотина <иркутский полицеймейстер> — всех 13 — принимает заказы на убийства. В числе 13 подразумеваются деятели Николая Николаевича. Петрашевский говорит, что он тут не виноват, но он врет».

²¹ Петрашевскому на имя губернатора было прислано матерью 125 рублей. Губернатор без ведома и согласия Петрашевского приказал перелать эти деньги в казну в уплату долга, числившегося за Петрашевским. Андрей Иванович Лидов — начальник отделения Общего губернского управления.

²² Князь Костров — миусинский окружной начальник, доброжелательно относившийся к Петрашевскому.

²³ Романович — окружной начальник, назначенный вместо Кострова.

²⁴ Борис Алексеевич Милотин — брат Д. А. и Н. А. Милотиных; в 1860 г. был назначен Муравьевым товарищем председателя губернского суда.

²⁵ Н. Н. Муравьев уехал из Иркутска 17 января 1861 г. и был заменен на посту генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсаковым. Этот факт дает возможность отнести дату написания публикуемой статьи Ф. Н. Львова к декабрю 1860 г.